

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

АЛЕКСАНДР БЛОК

Исследования и материалы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПУШКИНСКИЙ ДОМ»
Санкт-Петербург
2011

УДК 882(092)Блок
ББК Ш5(2=Р)5-4Блок А. А.
Б70

Редакционная коллегия:

Е. И. Гончарова,
Н. Ю. Грякалова (ответственный редактор),
А. В. Лавров

Рецензенты:

д-р филол. наук Е. Р. Обатнина,
д-р филос. наук К. Г. Исупов

Исследовательская работа осуществлена
при финансовой поддержке Российского гуманитарного
научного фонда (РГНФ), проект № 04-04-00177а

Б70 Александр Блок: Исследования и материалы / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова. — СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2011. — (Т. 4). — 624 с.: ил., 16 с. цв. вклейка.

ISBN 978-5-91476-031-8

УДК 882(092)Блок
ББК Ш5(2=Р)5-4Блок А. А.

ISBN 978-5-91476-031-8

© Коллектив авторов, 2011
© Издательство «Пушкинский Дом», 2011

А. М. Грачева

Посмертная жизнь Александра Блока в творчестве Алексея Ремизова

В течение долгих лет писатель Алексей Ремизов вырабатывал свой вариант «тайной доктрины», в которой дополняя друг друга, перенимая друг от друга пальму первенства причудливо соединялись учения гностиков, теории европейских мистиков XVII—XVIII вв., теософов, антропософов и суфиев. Ремизовское «тайноведение» развивалось с конца 1900-х до 1950-х гг., аккумулируя элементы всё новых познаваемых им систем, отражаясь в его словесном и рисовальном искусствах, а также в жизнетворчестве.

Истоки интереса писателя к «тайноведению» лежат в продолжавшемся на протяжении всей его жизни процессе самопознания. С детства Ремизов интенсивно пытался осмыслить преследующие его биологические и социальные несчастья: физические «несовершенства» (слабое зрение; сломанный нос; малый рост; прогрессирующую сутулость; подвижность нервной системы, лишившую его глубокого сна) и тяжелые перипетии судьбы (раннюю смерть отца, недопущение к учебе в гимназии, исключение из университета, предательство товарищей по революционному кружку, обвинение в плагиате, жизнь вдали от Родины — в эмиграции).

Переживший увлечение марксизмом и не удовлетворенный предложенным этим учением материалистическим детерминизмом, Ремизов начал искать объяснения глубинных причин «мировых» и личных страданий в идеалистических философских системах. Одними из источников ответов на волновавшие его вопросы стали гностические учения, отраженные в текстах раннехристианской и древнерусской литератур. Сведения о них Ремизов черпал сначала от «учителя» — товарища по вологодской ссылке, специалиста по апокрифам П. Е. Щеголева, затем самостоятельно, пользуясь консультациями ученых-медиевистов. Но писатель не остался

в стороне и от существовавшего в близкой ему литературной среде интереса к оккультизму. Вячеслав Иванов, Максимилиан Волошин, Андрей Белый... В определенные годы своей жизни Ремизов близко общался с этими литераторами, так или иначе прикосновенными к «тайному знанию». Информацию о «тайноведении» он мог воспринимать как «из уст в уста», так и из соответствующей литературы, рекомендованной ему или найденной самостоятельно в библиотеках и частных собраниях.

Итогом процесса ремизовского самопознания была трактовка совокупности негативных обстоятельств своей судьбы как последовательности посылаемых свыше знаков, свидетельствующих об особом предназначении избранного. Писатель рано осознал свою жизненную миссию как миссию посредника между мирами. При этом «близорукость» — «слепота» и отсутствие фазы глубокого сна были осмыслены им как залог своей способности к «второму зрению» — взгляду «подстриженными глазами» — ясновидению. В этот контекст было включено и аккумулированное Ремизовым характерное для России XIX в. представление об особой роли писателя-«пророка», «учителя жизни». При этом необычная внешность и дар «осмеяния» стали поводом к выбору Ремизовым такой маски пророка, как маска «урода» = «уродивого» = юродивого, по словам акад. А. М. Панченко «„мнимого безумца“, самопроизвольного дурачка, скрывающего под личиной глупости святость и мудрость»,¹ своими причудливыми «безобразиями» обличающего пороки современности и в иносказательной форме предсказывающего грядущее.

Одной из сущностных граней ремизовского «тайного знания» была способность общаться с миром, закрытым для обычного зрения, посредством фиксируемого в визуальных или словесных образах *сновидения* как формы *ясновидения*. Основные параметры ремизовской мистической концепции сформировались в период с начала 1910-х до начала 1920-х гг. В творчестве писателя первым итоговым результатом пройденного духовного пути было создание произведения новой большой жанровой формы — романа-коллажа «Взвихренная Русь» (1927). Конечным стало оставшееся неопубликованным при жизни, создававшееся вплоть до смерти произведение также большой лиро-эпической экспериментальной

---

¹ Панченко А. М. Юродство как общественный протест // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 127.

жанровой формы — «Петербургский буерак».² Используя термины традиционного литературоведения, можно сказать, что одним из концептуально значимых «героев» этих знаковых для Ремизова произведений был Александр Блок.

Ограниченные рамки статьи не позволяют досконально проанализировать все формы существования образа поэта в творчестве Ремизова. Остановимся на «посмертной жизни» Блока в определенной группе текстов писателя — в посвященных ему «мемориальных» статьях.

Блок был на три года моложе Ремизова. Они познакомились в 1905 г. в Петербурге, и, как показывает их сохранившаяся переписка, дневники и свидетельства современников, с годами человеческая приязнь и уважительное отношение друг к другу только крепили. Непосредственное общение Блока и Ремизова стало особо интенсивным в пореволюционные годы, когда от писем они перешли к постоянным телефонным звонкам, встречались как у знакомых, так и на заседаниях всевозможных организаций и комиссий, в частности, комиссий ТЕО и ПТО Наркомпроса.

День 7 августа 1921 г. стал роковой датой для обоих писателей. В день смерти Блока автор «Слова о гибели Русской земли» навсегда покинул Петроград, начав путь в эмиграцию.

Для верившего в нумерологию Ремизова подобное совпадение было явлением не случая, а скрытой закономерности, знаком мистического соотношения их судеб. После 7 августа 1921 г. можно говорить о двух направлениях в деятельности Ремизова, связанных с именем Александра Блока.

Первое из них состояло в увековечивании памяти о земной жизни Блока. Сразу же после выезда из России в Ревеле Ремизов дал специальное интервью, посвященное смерти поэта. Прочитую его: «В пятницу 2-го с(его) м(есяца) (2 сентября 1921 г. — А. Г.) наш сотрудник посетил Алексея Михайловича Ремизова, пребывающего в настоящее время в Ревеле. После переезда из России писатель чувствует себя нездоровым. От интервью для местной печати Алексей Михайлович отказался — „и дайте мне прежде хоть осмотреться“. В последовавшей затем краткой беседе А. Ремизов сообщил некоторые сведения об А. Блоке, неизвестные еще за границей. Покойный поэт, оказывается, имел разрешение от сов(етского) правительства на выезд за границу, которым, однако,

---

² Опубл.: Ремизов А. М. Петербургский буерак // Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2003. Т. 10. С. 173—414.

не воспользовался. Начиная с Пасхи этого года Блок был тяжело болен, но не на почве голода и общего истощения, как принято здесь думать, а вследствие тяжелого сердечного заболевания. Настроение поэта, также вопреки распространенному за границей заблуждению, было далеко не сочувствующим по отношению к сов(етской) власти, причем нарастало за последнее время *crescendo*».³

В Ревеле, а затем в Берлине Ремизов собирал материалы русской эмигрантской и иностранной печати — отклики на смерть Блока, воспоминания о нем, публикации текстов поэта. За 1921—1922 гг. он составил четыре альбома газетных вырезок о Блоке, общим объемом около 140 листов.⁴ До настоящего времени они составляют уникальную коллекцию, в которой сохранены редкие сведения о поэте. Материалы были предназначены для создания мемориального музея-комнаты А. А. Блока в Петрограде. Собранные Ремизов пересылал одному из поборников идеи создания блоковского музея — С. М. Алянскому. Он также послал ему рукопись своей статьи «Из огненной России. Памяти Блока» (1921, опубл. 1922), в которой в числе прочего он кратко остановился на эпизодах своих встреч с поэтом. В письме к Алянскому, написанном 18 декабря 1921 г., а полученном адресатом только 26 января 1922 г., Ремизов сообщал: «Дорогой Самуил Миронович! Ваше письмо, как видите, дошло до меня с большим запозданием; рукопись мою — память о Блоке посылаю. (...) Надо хорошо обдумать — это я о письмах Алекс(андра) Алекс(андровича). Все, что попадет о А(лександре) А(лександровиче), все собираю: прошу и парижан, и латвийцев (...) библиограф(ия) о Блоке понемногу будет печататься в бюллетенях Дома Искус(ств), из статей здесь написанных сделаю альбом и Вам перешлю».⁵ 3 февраля 1922 г. Ремизов писал тому же адресату: «Понемногу собираю все, что о Блоке. Уж I т(ом) есть и в переплете — как в драгоценных камнях. Это я все думаю, хорошо бы в музей — в комнату Блока».⁶

Таково было фактическое начало долголетней работы Ремизова по сохранению памяти о поэте. Но одновременно с этим после 7 августа 1921 г. наступил новый этап взаимоотношений Блока и Ремизова в контексте мистической практики последнего.

³ Михельсон Л. П. Еще о Блоке // Свободное слово. (Ревель). 1921. № 118.

⁴ Ныне хранятся в фонде Ремизова в РГАЛИ.

⁵ РГАЛИ. Ф. 20. Оп.1. Ед. хр. 9. Л. 15—15 об.

⁶ Там же. Л. 16.

Вторым направлением деятельности писателя была словесная и изобразительная фиксация продолжающегося общения с Блоком, живущим «в духовном мире между смертью и новым рождением».⁷ Переписка Ремизова и Блока зафиксировала, что уже в 1910-х гг. писатель включал поэта в круг объектов своего сверхчувственного познания. Так, в письме к Блоку от 15 марта 1910 г. Ремизов сообщал: «Сегодня во сне видел Лескова. Он мне сказал, что Вы его очень интересуете и очень ему нравитесь».⁸ В сохранившихся в библиотеке Блока дарственных надписях на книгах Ремизова отражено стремление писателя актуализировать в сознании поэта его избранническую миссию — способность к визионерской практике. Например, надпись 1908 г. на издании романа «Пруд»: «С пожеланием увидеть еще раз Фаину и не заспать сна своего, не разгулять его кофейными разговорами... и прикоснуться к земле русской, в которой таится верность до смерти, предательство Иудино и подвиг крестный. Все во сне, ничего. Даже лучше, не так больно. С любовью моей А. Ремизов».⁹

А после смерти Блока писатель предварил один из берлинских альбомов материалов о поэте обращенным к нему письмом от 21 (8) сентября 1922 г.: «А. А. Блоку. Александр Александрович, вы понимаете, почему такая бумага пошла! И трубку себе опять завел — здешнюю махорку курю за 20 м(арок) пакет! Выдавать еще ничего не выдают, покупаем, но “знаков” уже не хватает и опять же я с театром Mornioi (?) Jubínbi (?) спутался — признаки нехорошие [изображение стилизованной птички — подпись-анаграмма]».¹⁰

Особое значение в плане установления параметров места, занимаемого Блоком в духовном мире, постигаемом Ремизовым при помощи сверхчувственного познания, имеет его первая посмертная статья о поэте «Из огненной России. Памяти Блока» (1921). В ее публикации в берлинской газете «Голос России» полностью сохранено авторское название, сокращенное в других изданиях: «Из огненной России / К звездам / Памяти Блока — ему и о нем».¹¹

Концептуальную основу статьи составляет мистическое истолкование процесса смерти Блока как расставания астрального тела с эфирным после смерти тела физического. Основными системами

⁷ Штейнер Р. Очерк тайноведения. М., 1916. С. 266.

⁸ Переписка (Блока) с А. М. Ремизовым (1905—1920) / Вступ. статья З. Г. Минц, публ. и коммент. А. П. Юловой // ЛН. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 88.

⁹ Там же. С. 127.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 2.

¹¹ Голос России. (Берлин). 1922. 8 янв. № 860. С. 3.

«тайного знания», которыми в этот период интересовался Ремизов и которые отразились в концепции статьи, были оккультная пневматология, переосмыслившая учение древних о четырех первичных элементах (земле, огне, воздухе и воде), наиболее полно изложенная в трудах алхимика и философа Парацельса (Теофраста Бомбаста фон Гогенгейма); антропософское учение Р. Штейнера и воззрения мистика Якоба Бёме, отраженные в его трактате «Аврора или утренняя заря в восхождении» (в переводе А. С. Петровского издан в 1914 г. в издательстве «Мусагет»). Именно к последнему труду напрямую восходит название более ранней статьи Ремизова «О человеке — звездах — и о свинье» (1919; ср. с названием раздела трактата Бёме — «О человеке и звездах»), статьи, преемственно связанной с «Памяти Блока». В данной статье человек, чья душа запуталась в иллюзии материального существования («жизни свиньи»), противопоставлен человеку, освободившему себя от оков низшего мира с присущими тому ограничениями чувственного восприятия и потому способного услышать мировую «музыку» и присоединиться к звучащему вечному гимну мировой гармонии. В данном случае понятие «музыки» восходит к семантике пифагорейской концепции «музыки сфер».

«Видеть звезды, слышать музыку — это большое счастье, — заключает Ремизов свою статью. — И тот, кто хочет черпать от драгоценной сокровищницы духа человеческого — участвовать на пиру человека, должен стать — <после тире в статье оставлен пробел, означающий необозначаемое словом. — А. Г. > (...) и по звездам взлететь до звезд, светящих в темную тайную жизнь человека. И это надо помнить человеку. (...) ...ни одна власть в мире не в силах погасить твоих звезд, лишит тебя имени человека — и звезды не покинут тебя. Те звезды, какие светят человеку — создание его духа — искусство есть величайшее напряжение души человеческой».¹²

В статье «Памяти Блока» Ремизов, обращаясь к поэту, дает дуалистическое толкование факту его смерти. «Бедный Александр Александрович! Покинуть так рано землю (...) не видеть земли, без „музыки“ — это такая последняя беда (...) а если вовсе и не беда, а первое великое счастье?»¹³ Далее текст представляет

---

¹² Ремизов А. О человеке — звездах — и о свинье // Ремизов А. Крашенные рыла. Театр и книга. Берлин, 1922. С. 14—15.

¹³ Ремизов А. М. Петербургский буерак // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 323. Далее текст статей «К звездам», «Десять лет», «По серебряным нитям» цитируется

собой соположение изложенных в линейной хронологической последовательности фактов земной жизни Блока, свидетелем которой был писатель, и фрагментов «диалога с молчащим собеседником» — непосредственного общения духовидца Ремизова с поэтом, чей дух пересек грань между мирами.

Согласно учению Парацельса, четыре первичных элемента представляют собой соединение грубой телесной субстанции и субстанции высшей — «духовного воздуха». Последняя населена природными духами земли, воды, воздуха и огня (гномами, ундидами, сильфами и саламандрами), чьи тела состоят из транссубстанциональной плоти. Одна ее часть — телесная, унаследованная «от Адама», подверженная смерти, другая не повинуется законам существования первой. Природные духи способны временно существовать и в природном мире, сохраняя свою связь с миром духовным, а после возвращения в последний имеют возможность контактировать с людьми в определенных условиях, в частности, являться им в сновидениях.¹⁴

Лейтмотивом статьи, посвященной памяти *умершего* Блока, является неточная цитата из апокрифического сказания «О рождении Адама»: «Глаза ваши пойдут цветам, кости — камню, помыслы — ветру, *слово* — человеческому сердцу» (С. 326; курсив мой. — А. Г.).

Ремизов использует строки из сказания о появлении на свет первого человека для углубления истолкования смерти Блока как формы трансформации; возврата его духа в свою прозрачную первичную сущность, из которой он был до этого индивидуализирован. После передвижения своего астрального тела в другие пространства поэт продолжает общаться с Землей опосредованно, через свои произведения, и напрямую, являясь людям, наделенными даром «сновидения» = второго зрения. Процесс перехода духа из телесного мира в иные пространства подчеркнут и в названии статьи — «Из огненной России» «к звездам». Отметим, что оккультное истолкование четырех первичных элементов легло в основу созданных Ремизовым в начале 1920-х гг. берлинских текстов, названных по наименованию этих элементов на языке ремизовского Обезвельволпала — книги «Ахру» (т. е. «Огонь»; Берлин, 1922), открывающейся статьей об умершем Блоке «К звездам», и

по этому изданию с указанием страницы.

¹⁴ Подробнее см.: Мэнли П. Холл. Элементы и их обитатели // Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. СПб., 1994. С. 379—394.

книги о скончавшемся В. В. Розанове «Кукха» (т. е. «Влага, Вода»; Берлин, 1923). Адекватное понимание семантики названий позволит включить эти произведения синтетического жанра в целостную картину мистической практики Ремизова, для которого было значимо не только сохранение памяти о прожитой жизни умерших людей, но и восприятие процесса их нового воплощения в физический мир, осуществляемого через контакты с визионером в снах и видениях.

Сохранившийся дневник Ремизова 1917—1921 гг.¹⁵ свидетельствует, что Блок и при жизни снился писателю в контексте воскрешения во сне памяти о дневных ситуациях, представавших в образах родных и знакомых. Существенно, что при обработке реальных сновидений из дневника в художественный текст «Взвихренной Руси» Ремизов, постоянно заменяя имена близких знаковыми именами эпохи (например, сохраняя ситуацию сна, но замещая брата Троцким и т. п.) последовательно оставлял нетронутым имя Блока, тем самым осознавая свои подлинные сны с участием поэта как изначально значимые.

В статью «К звездам» Ремизов вводит упоминания о своих первых мистических посмертных контактах с Блоком: «Трижды вы мне снились. (...) Видел вас в белом, потом в серебре (...). А тут (...) вы пришли совсем обыкновенным, всегдашним, и мне было совсем не страшно. Я вас спросил о чем-то, и вы, как всегда, слушая, улыбались (...). Из разных краев, разными дорогами проходили мы до жизни и в жизни (...). Где-то однажды, а может, не раз мы встречались — на каком перепутье? (...) на расстани какой дороги? В (...) разбойном кабаке? — или там — на болоте —» (С. 327—328).

Надо отметить, что текст статьи Ремизова насыщен скрытыми цитатами и отсылками к поэтическим произведениям Блока. Среди них особое место занимает мистически осмысленное писателем посвященное ему стихотворение Блока «Болотные чертенятки» (1905). Сделанное поэтом давнее символическое соотнесение лирического героя стихотворения и его адресата (Ремизова) со стихийными духами («Я, как ты, дитя дубрав, / Лик мой также стерт. / (...) Мы — забытые следы / Чьей-то глубины...» — 2, 12) в традиции посмертного восприятия наследия Блока писателем было истолковано последним как признание поэтом «избирательного сродства» между ними обоими как существами, двойственными по своей

---

¹⁵ Ремизов А. М. Дневник 1917—1921 г. // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 5: Взвихренная Русь. С. 423—523 (см. по указ.).

природе, хотя и находящимися на разных ступенях иерархической лестницы мира духов. Эта тема получит дальнейшее развитие в следующих по времени статьях о Блоке.

Статья «К звездам» написана вскоре после смерти поэта, тогда, когда согласно мистическим доктринам эфирное тело умершего уже отделилось от физического, но еще сохраняет постепенно бледнеющие воспоминания о своей последней жизни. Именно поэтому проходящий сквозь статью безответный разговор Ремизова с Блоком — это общение с собеседником, который какой-то частью своего существа еще погружен в недавнее линейное время, в память о только что истекшей жизни. В связи с этим понятен рефрен этого произведения Ремизова — напоминание душе умершего о событиях закончившейся жизни. Надо также отметить, что в жанровом отношении текст Ремизова близок жанру «народной причеты» — «плача», с присущим тому обращением к умершему.

«Помните, как вас из вашей-то насиженной выгнали?» (С. 325). «Помните, на Новый год из Перми ⟨...⟩ появился влюбленный ⟨...⟩ Юрий Верховский» (С. 329). «Помните, Чуковские вечера в „Доме Искусств“ ⟨...⟩ и наш последний вечер в „Доме Литераторов“ ⟨...⟩ домой мы шли вместе» (С. 330).

Ремизовская статья имеет многоуровневое строение. Она предназначена для печати — значит, обращена к читателю, который *должен узнать о прошлом — о жизни и смерти человека* по имени Александр Блок. Но текст адресован и самому поэту, который еще помнит свое земное существование, но находится в другом измерении. Здесь у автора-визионера другая задача — *спросить у души о ее дальнейшей судьбе, о жизни по ту сторону земного бытия*.

Ремизов ориентировался на апокрифическую традицию «видений», в которых визионер посещал загробный мир и беседовал с его обитателями. «Счастлив ли дух ваш? Хоть на мгновенье вы обрадовались там — вы радовались за гранью этой жизни, этой бушующей лировой ночи?» (С. 324). Для писателя-«ясновидца» судьба Блока, пересекшего грань жизни, еще не отчетлива. С одной стороны, в тексте наличествует вариант апокрифического представления об аде, в один из кругов которого погружается, пусть на время, душа Блока. «Я верю, за ваше слово, за „музыку“ и там ⟨...⟩ в безнадежном томящем кругу, в кольце ожесточившихся стражей, и там найдутся, кто станет за вас, и там найдется свой — Горький» (С. 324—326). С другой стороны, в статье присутствует восходящее к мистике Я. Бёме представление о природе звезд и «звездном рождении» как форме преодоления телесной смерти.

Бёме писал: «Звезды ⟨...⟩ не суть ⟨...⟩ чистое Божество, которому должно воздавать честь и поклонение, как Богу; но они суть самое внутреннее и острое рождение ⟨...⟩ от ⟨...⟩ неба получили звезды свое первое возжжение, и они и суть лишь как бы орудие, которым пользуется Бог для рождения. ⟨...⟩ Звезды ⟨...⟩ беспрестанно зажигают тело сего мира, так что везде совершается рождение ⟨...⟩ кроткая вода жизни ⟨...⟩ содержится в звездах ⟨...⟩ есть она и в теле человека: и кто жаждет этой воды, и выпьет от нее, в том загорается свет жизни».¹⁶

Из трактата «Aurora, или Утренняя заря в восхождении» Ремизов воспринял и по-своему интерпретировал мистическое истолкование *текста* Священного Писания как проявления вечно сущего Божественного Слова. Бёме писал: «На третий день взошел свет во тьме; и тьма вместе с князем своим не могла объять его: ибо тогда взошли из земли трава, зелень и деревья; причем написано: каждое по роду своему (Быт. 1, 12). В этом слове сокрыто ядро вечного рождения, и оно не может быть постигнуто плотью и кровью, но Дух Святой чрез душевное рождение должен зажечь звездное в человеке, иначе он бывает слеп в этом и не понимает ничего, кроме как только что речь идет о земле и камнях, и о траве, зелени и древесных растениях. ⟨...⟩ Внешнее рождение плодов должно произойти из земли, которая в смерти, а дух или жизнь — из звездного рождения, которое в любви и гневe ⟨...⟩. Не должен ты думать, будто самое внешнее мертвое рождение земли приобрело через взошедшее слово такую жизнь, что оно уже более не смерть, и что в плоде его нет смерти: нет, этого не может быть вовеки: ибо что однажды умерло в Боге, то мертво, и не оживет вновь вовеки своей собственной властью: но слово, *качествующее совместно с звездным рождением в части любви, оно рождает, посредством звездного рождения, жизнь чрез смерть. ⟨...⟩ Звездное рождение берет от слова силу, и слагает иное тело, стоящее наполовину в смерти и наполовину в жизни*» (курсив мой — А. Г.).¹⁷

Восприняв символическую образность Бёме, Ремизов совершил, по сути, еретическую подмену главных понятий. Для него Священным предстает не Слово как воплощение Бога, а художественный текст — *писание*, созданное человеком, но обретающее собственную творящую силу, становящееся «Словом», которое способствует последующему «звездному рождению» своего создателя, после

¹⁶ Бёме Я. Aurora, или Утренняя заря в восхождении. М., 1914. С. 362—363.

¹⁷ Там же. С. 306—308.

физической смерти продолжающего жить в астральном мире мировой Культуры.

Восходящая к Бёме, но переосмысленная Ремизовым концепция «звезд» как мистического воплощения вечного существования творца текстов — писаний — Слова, определила символику финала статьи «Из огненной России»: «У Блока не осталось детей ⟨...⟩ но у него осталось больше, и нет ни одного из новых поэтов, на кого б не упал луч его звезды. А звезда его — трепет сердца слова его ⟨...⟩ трепет сердца Лермонтова и Некрасова — звезда его незакатна. И в ночи над простором русской земли ⟨...⟩ я вижу, горит» (С. 332).

В конце статьи соединяются две темы: бессмертия Блока, чей дух перешел грань астрального мира, и способности Ремизова-духовидца продолжать «общение» с поэтом. «К звездам» — произведение, с которого началось ремизовское манифестирование «теологии литературы» как воплощения Божественного Слова.

Последующие статьи Ремизова о Блоке отмечали четвертую, десятую и двадцать пятую годовщины его смерти: «Памяти Блока» (1924), «Десять лет» (1931), «По серебряным нитям (Лития)» (1946). В них тема воспоминаний о реальных встречах с Блоком постепенно ослабевала, а тема мистического восприятия духа поэта как «вечного спутника» автора-визионера усиливалась.

В статье «Памяти Блока» Ремизов «помянул» поэта только публикацией снов о нем, отказавшись вспоминать о реалиях их встреч в земной жизни. «7-го августа, — писал он, — исполнилось 4 года со смерти Блока. Хочется мне помянуть его, а ничего у меня нет — письма его ко мне в России, а что рассказать бы мог из „нашей жизни“, неудобно: очень я сейчас расстроился в мыслях думой о последнем убежище нашем „водосточной трубе“. Так лучше снами помяну, в которых он снился мне. Всего три сна —»,¹⁸ Символика «водосточной трубы» связана с «реалией» третьего сна Ремизова о его волшебном полете над Москвой вместе с Блоком и Андреем Белым, закончившимся для сновидца падением в «водосточную трубу». Этот образ метафорически трактован писателем как символ завершения своего беженского пути — из Берлина не назад — на родину — «в Москву», а окончательно в эмиграцию — в Париж — в «водосточную трубу».

Начало 1930-х г. — время работы Ремизова над романом-экспериментом «Учитель музыки», в котором он развивал тему художника слова как человека, *слышащего* «музыку сфер».

¹⁸ Ремизов А. М. А. А. Блок // Звено (Париж). 1925. 10 авг. № 132. С. 3.

Эта тема лейтмотивно проходит через статью «Десять лет» (1931), где Ремизов характеризовал судьбу Блока как удел человека, наделенного «врожденным страшным даром „слуха“» (С. 333). Если в первой статье о Блоке основным «интертекстом» являлся мистический трактат Бёме, то в новой работе, посвященной поэту, Ремизов обратился к сочинению другого «великого визионера» — книге «Бракосочетание Неба и Ада» (1793) Уильяма Блейка. Отметим, что в парижском архиве Ремизова¹⁹ сохранился переписанный рукой С. П. Ремизовой-Довгелло текст неавторизованного перевода этого произведения.

В статье «Десять лет» писатель вновь возвратился к осмыслению главного, по его мысли, деяния Блока — его способности пророчески «слышать» «мировую музыку» сквозь «вихревой вой» эпохи русской революции 1917 г. Введенная в текст прямая цитата из книги Блейка (С. 333) является сигналом-отсылкой к основной для Ремизова идее произведения английского мистика — идее, в интерпретации писателя корреспондирующей с постулатами Бёме. В главе «Достопамятное видение» Блейк писал: «Пророки Исая и Иезекииль трапезовали со мной <...>. Тогда я спросил: „Может ли твердое убеждение в том, что вещь такова, сделать ее таковою?“ Он <Исайя. — А. Г.> ответил: „Все поэты уверены в этом, и в эру Воображенья сие твердое убеждение двигало горы; но немногим дано хоть во что-то уверовать“. Тут вмешался Иезекииль: „<...> в Израиле мы учили, что первоначалом является (как его именуете вы) Поэтический Гений, все прочее — лишь его производные; вот причина <...> пророчества о неизбежном признании всех богов производными нашего Бога, признания их данниками Поэтического Гения. Именно этого так горячо желал наш великий Поэт Царь Давид“. <...> После трапезы просил я Исайю облагодетельствовать мир утраченными своими писаньями; он сказал, что ничто важное не утрачено. И то же самое сказал Иезекииль о своих».²⁰ В контексте статьи пророческий «опыт» Блока по постижению сути революции соплагается с имеющими аналогичное значение творческими практиками Достоевского («Записки из подполья») и самого Ремизова («Плачущая канава», «Взвихренная Русь»).

Во второй статье смерть Блока-человека для Ремизова столь же относительна, как и в первой. «Блок умер, потому что умер. Срок

¹⁹ Собр. семьи Резниковых (Париж).

²⁰ Блейк У. Бракосочетание Неба и Ада // Блейк У. Песни Невинности и Опыта / Пер. С. Степанова. СПб., 1993. С. 185—186. (Курсив в тексте мой. — А. Г.)

жизни его был отмерен. Должен был и не мог не умереть. <...> В его смерти было роковое, как в смерти Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Дар „внутреннего слуха“ так не проходит: что-то, как-то и когда-то случится, и вот — человек пропал. Я это говорю, раздумывая о судьбах, не вровень с обыкновенными, по невольным признаниям в предании или в оставленных книгах. Я не могу говорить о Блоке: и через десять лет — через этот „век“ — я живо чувствую его живым со мной всегда кротким, и его улыбку» (С. 334—335; курсив мой. — А. Г.).

Десятилетие смерти Блока Ремизов отметил также «изданием» авторской книги (вероятно, рукописного альбома), посвященного главному пророческому деянию поэта — поэме «Двенадцать». Скрывшись под псевдонимом Василий Куковников, Ремизов сообщил о ее появлении, соединив в информативной заметке темы памяти об умершем поэте и напоминания о себе самом, еще живущем: «7 августа исполняется 10 лет со смерти Блока. Журнал „Числа“ выпускает в единственном авторском экземпляре книгу А. Ремизова „Памяти Блока“ — 47 рисунков. <...> Выпуск книги в единственном экземпляре не снобизм и не фокус библиофила, мечтающего о библиографических редкостях, а беда, в которую попадают писатели в какие-то „десятилетия“. <...> И эти единственные экземпляры — единственный способ заявить, что писатель еще существует на белом свете, продолжает писать».²¹

Цикл статей о Блоке завершает текст «По серебряным нитям», представляющий собой концептуально законченное выражение ремизовской мистической концепции конца 1940-х гг. Ремизов начал работать над ним в июле 1946 г. Сохранился датированный 14 июля ремизовский рисунок, изображающий Блока в виде голубого фантастического существа, появляющегося из облаков. Под рисунком полусмытый текст — черновое начало статьи о поэте: «7 августа 1921 г. Блок оставил Россию, русскую землю — землю. Был ли он гость или в изгнании? На земле он был отмеченный и заклеименный раскаленным железом, как его брат, Бодлер. [Стало быть], изгнанник. И в тот же самый день 7 августа 1921 я простился с Россией — мы переехали границу и ступили на чужую землю. „Прощайте!“ — прозвучало где-то. Я ничего не сказал — в моих глазах черный лед. <2 нрзб.>, и у Серафимы Павловны <1 нрзб.> слезы. „Про-

²¹ Василий Куковников (Ремизов А. М.). Единственный экземпляр памяти Блока. 1921—1931 // Сатирикон. (Париж). 1931. № 18. С. 8.

щайте“, „Черный лед“ да (далее текст утрачен)»²². О ходе работы над статьей Ремизов сообщал своей литературной ученице — Н. Кодрянской — в письмах от 6 августа («О Блоке написал — 25 лет со смерти»²³) и от 7 августа («Кончил о Блоке литию. Два дня снятся слова, а в глазах паутина не серебряная, а угловая»²⁴).

В начале статьи Ремизов вспоминает о дне физической смерти Блока, трактуя его как день возврата поэта в тот мир, откуда он приходил на землю. Далее автор повествует о формах своих мистических контактов с Блоком — незримым собеседником, находящимся рядом с духовидцем: «А вы, Александр Александрович, вспоминаете Россию? Часто за эти годы, посмертные, снился мне Блок. А что как не сон, единственная у нас, живых, связь с тем миром? (...) ...сны не прошены, не зованы, они сами приходят. Вы приходите ко мне по серебряным нитям так же легко и воздушно, как сильфы (...) Конечно, вы вспоминали Россию и не раз и никогда ее не забудете — через меня вспоминаете там (...). Гость или изгнанник. Гадаю. Нет, тут мы с вами по-разному. Про себя хочу сказать, я гость в этом чудесном мире (...) с „подстриженными глазами“ кротом тычусь, при свете мне очень неловко (...). А вот Блок не гость, Блок — изгнанник» (С. 335—336).

В статье «По серебряным нитям» получило дальнейшее развитие аккумулированное Ремизовым в свою эклектическую мистическую систему оккультное представление о природных духах. Если самого себя Ремизов отнес к миру духов земли («болотных чертенят», «кротов», карликов-гномов), то Блок принадлежит к самому высокому разряду стихийных духов — к сильфам, живущим в элементе воздуха — эфирной субстанции. В свете транссубстанциональной плотской природы таких духов смерть Блока представляет собой лишь утрату исчерпанной телесной части естества духа перед его возвращением в сферу своей стихийной сущности: «Блок заболел весь, „всем человеком“ (...) один конец: срок отбыл, собирай вещи и домой, живо! Блок обрадовался, заспешил, тут ему и дух вон» (С. 336).

Кульминация статьи — астральное видение автора: совместное посещение вместе с Блоком Сорбонны. На уровне реальности оно основано на факте упоминания имени поэта на «дне „мировой поэзии“»: «А помните, Александр Александрович, в такой же затаенный,

²² РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 136. Л. 1.

²³ Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С. 35.

²⁴ Там же.

как сейчас, без солнца и без грозowych туч, теплый, серый летний день, бродя по опустелому Парижу, мы зашли в Сорбонну и по пустым залам ходим (...). Мы ступали по следам Петра, Тредьяковского, Кантемира, Фонвизина, Карамзина, Тургеневых, Гоголя, Герцена, Погодина, Шевырева, Хомякова, И. С. Аксакова, Аполлона Григорьева. Мы — только „странники с русской земли“. (...) ...ваше имя всеми буквами прозвучало по-французски нынче, на русского Купалу, здесь (...) в Сорбонне, как свое, и среди теней Сорбонны я различаю вашу тень — Шатобриан, Ламартин, Гюго, Мюссе, Верлен... а слова о вас (...) венки на ваше измученное сердце. В ту ночь — Купальская (...) серебряные нити — мои сонные дороги увели меня далеко и я очнулся под Москвой в Звенигороде (...). В серебряные нити снова вломились тугие мысли дня — сон без сновиденья. Александр Александрович (...) Я вас всегда помню» (С. 336—337).

По сюжету видение Ремизова — Блок среди других творцов Слова, сделавшего своих создателей бессмертными, — переключается с концептуальным центром его другого произведения — «Мышкина дудочка» (1953) — с главой «Чаромутие» (первая публикация — 1946 (так!)). В ней изображено другое видение писателя — картина мистического праздника Слова в парижской Книжной Палате, куда собрались писатели всех времен и народов: «И покатылся колокол беспредельно полного звука. (...) Зачарованный, я слушал. И все, вся зала с настожившимися книгами, все, кто были тут, знакомые и неизвестные, странные, древние — замерли в очаровании (...). И под колокол с распространяющимся звуком, наполнявшим собой от края и до края, свет в глазах переменялся: не серое, не муть, не обреченное опаловое, сиял над черной площадью голубой купол. И это было больше чем солнце, не яркостью, а трепетом — невечерняя голубь».²⁵ Финал этого видения — мистериальное преображение мира, в котором звучит «музыка сфер», слышимая творцами Слова.

В 1950-х гг. Ремизов собрал все статьи о Блоке воедино и включил их как отдельный раздел в произведение синтетического жанра «Петербургский буерак». Идеино-художественная структура этой книги может быть уподоблена вертикальной спирали, начальный виток которой — изображение мира реального, истории литературной карьеры писателя начала XX в. Алексея Ремизова, дружившего с поэтом Александром Блоком. Далее развитие

²⁵ Ремизов А. М. Мышкина дудочка // Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10. С. 29.

«сюжета» «Петербургского буерака» представляет собой последовательный переход от повествования о линейном историческом существовании к рассказу о надреальном бытии мира Культуры. Между началом и концом текста «Петербургского буерака» расположены разделы, раскрывающие различные виды перехода из реальности в иные миры, осуществляемого творцами Слова — людьми Культуры. И здесь центральное место занимают комплексы текстов, посвященных Розанову и Блоку. Тем самым в «Петербургском буераке» на новой ступени повторяется берлинский мистический опыт Ремизова, материализованный в создании книг «Ахру» и «Кукха».

Книга заканчивается разделом «Сны в русской литературе», раскрывающим природу сновидения, как способа достичь высшего уровня сверхчувственного познания. Ремизов завершает «Петербургский буерак» так: «Из писателей мне снились: Лев Толстой, Достоевский, Пушкин, Хомяков (...) Розанов, Лев Шестов (...) Чехов, Горький, Андрей Белый, Блок (...). В жизни проводник сна кровь. И опять я спрашиваю себя: пробуждение из смертного без сновидений сна, в утро другого мира не есть ли переход в бескровное чистое сновидение?»²⁶

В «Петербургском буераке» Ремизов аккумулировал отраженный в статьях многолетний опыт своего мистического общения с Блоком для включения его результатов в дело создания целостного произведения, по замыслу и жанру продолжавшего традиции «Божественной комедии» Данте, в которой потустороннее странствование автора-визионера соединялось с энциклопедическим изображением жизни эпохи.

Итоговое «мемуарное» обращение Ремизова к личности и творчеству Блока относится к 1950-м гг. Задумав создать книгу о самом себе, писатель подготовил часть материалов к ней в форме «интервью», будто бы взятых у Ремизова Н. Кодрянской. В одном из них он раскрыл свое понимание главного пророческого текста Блока — поэмы «Двенадцать»:

«На мое (имеется в виду интервьюер — Н. Кодрянская. — А. Г.) — „Что вы скажете о “12-ти” Блока” Ремизов отвечал:

Блок мне постоянно звонил по телефону вечерами. Однажды он мне сказал, что слышит музыку и пробует писать. Я понял, что он в вихре слов, но каких я не мог себе представить — революция разнословна.

²⁶ Ремизов А. М. Петербургский буерак. С. 412—413.

Я в те дни писал мое прощальное слово о Московской Руси — „вечная память“. (Взвихренная Русь — в Кремле после всенощной в Успенском соборе под красный звон Ивана Великого).

Когда я прочитал „12“ меня поразила словесная материя — музыка уличных слов и выражений. Подскреб. Неожиданное у Блока (2 нрзб.). По „12-ти“ можно подумать, что Блок свой и по-шицам. В „12-ти“ всего несколько книжных и приличных слов. Вот она какая музыка. Какая выпала Блоку удача — по-другому передать улицу я не представляю возможным.²⁷

Тут Блок оказался на высоте словесного достижения.

А заключительный „Христос“ прозвучало книжно. Христос для меня — да и одного ли меня? „12 Евангелий“ его ведут на крестную муку. Христос — „спаситель“: все труждающиеся и обремененные придите ко мне и я успокою вас — подпись под образом — такой памятный мне по тюремному образ выставлялся в камерах от Петропавловской и Шлиссельбургской до пересыльной Тульской.

Христос в „12“ попал не к месту, чего-то неловко когда читаешь.

Христос нарушил строй слов — музыку. И если необходимо возглавить „революционный шаг“ — не Христос, а Никола. Это он в „пламенной одежде муж избранный ведет своих горемычных“.

В революцию было легче рисовать, чем выражаться. И я нарисовал „12“, не удалось показать Блоку. Этот мой альбом передал я А. Б. Кусикову в Париже. До войны в Париже. {...}

К „12“ Блока

Если бы вместо Христа впереди шел Никола, „12“ было бы народным, „впереди Никола милостивый“. В одной сказке Никола говорит святым о русском народе „пожалел я их, уж очень мучаются“ — он мог бы идти впереди».²⁸

В последнем литературном обращении к личности Блока Ремизов возвратился к более подробному истолкованию своего понимания «музыки», услышанной Блоком и отраженной в факте создания поэмы «Двенадцать».

---

²⁷ На полях л. 26 помета Н. Кодрянской: «Все разобрала, кроме этих трех-4-слов, три дня провела, чтобы разобрать и не могу! Прошу эти листы мне прислать обратно!!! (включ(ить) на место в тетрадь! 2 странички)». На обороте л. 26 помета Ремизова: «Не трудите глаз. Подчеркивайте красным неразборчивое. Я разберу по первым буквам. 4 XII 1951».

²⁸ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 69. Л. 2, 26—28, 30. В неточном пересказе опубли. в кн.: *Кодрянская Н. Алексей Ремизов*. Париж, 1959. С. 103—104.

По Ремизову, поэт сумел услышать «голос» стихии русской революции как голос народа — «хора» совершающейся мировой мистерии.

В заключение можно сделать вывод о том, что после 7 августа 1921 г. «взаимоотношения» оставшегося на земле Алексея Ремизова и пересекшего грань между мирами Александра Блока вступили в новую фазу своего развития. Взамен личных встреч, обмена письмами и телефонными звонками наступило время постоянных мистических контактов визионера Ремизова с Блоком — духом, являющимся ему в сновидениях. Ремизовская концепция «тайного знания», основанная на личном мистическом опыте и на постоянном изучении наследия других духовидцев, визионеров и эзотерических практиков, постоянно эволюционировала. Если в 1920-х—1930-х гг. в ней преобладало влияние Р. Штейнера и Я. Бёме, то в 1940-х—1950-х усилился интерес к тайнам тибетской и суфийской мудрости и, уже на новом этапе, к оккультной пневматологии — учению о природных духах. Границы и параметры воспринимаемого Ремизовым астрального мира менялись, другим становился и круг «странников»-посланцев, являвшихся писателю в сновидениях. Но Александр Блок неизменно оставался постоянным астральным «гостем» Ремизова. Он воспринимался писателем как изгнанник из горнего мира, на земле наделенный пророческим даром. Жизненным предназначением поэта было передать людям слышимую им «музыку сфер», что он и выполнил, создав поэму «Двенадцать».

Блок также стал одним из «героев» произведений писателя. В освещении облика поэта «мемуарная» традиция сохранения памяти о Блоке-человеке изначально соседствовала с другой — «визионерской», в дальнейшем почти вытеснившей первую. Фигура Блока стала одной из ключевых при создании и развитии Ремизовым мистической концепции «теологии литературы».